

УДК 1 (091)

Вопрос об опытном познании человека в духовно-академической философии первой половины XIX века (концепция А. Фишера)

В.И. Коцюба

Московский физико-технический институт (государственный университет), кафедра философии

Аннотация. В статье рассматриваются концепция опытной психологии преподавателя философии Санкт-Петербургской духовной академии А. Фишера и ее оценка в духовно-академической среде, анализируются проблемы установки на чисто эмпирическое познание человека.

Abstract. In the paper the concept of empirical psychology of the lecturer of philosophy of the St.-Petersburg spiritual academy A. Fisher and its estimation in ecclesiastical-academic sphere have been considered; problems of the target to empirical knowledge of man have been analyzed.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, философская антропология, эмпирическая психология, А. Фишер
Key words: ecclesiastical-academic philosophy, philosophical anthropology, empirical psychology, A. Fisher

1. Введение. Психология эмпирическая и рациональная

В начале XIX столетия философия в духовных академиях излагалась по учебникам представителей вольфианской школы. В 1814 году был принят новый устав духовных академий, который создавал более широкие и благоприятные условия для философского образования и не требовал обязательной ориентации на прежние учебные пособия (см. об этом *Шохин, 2000*). Однако принципы разделения наук, принятые в вольфианской традиции, сохраняли и в дальнейшем свое значение для духовно-академической философии.

Вольф различал три вида познания: историческое, философское и математическое. Историческое познание, опираясь на наблюдения, дает знания о фактах, философское познание призвано отыскать основания (*rationes*), причины того, что мы констатируем как факт. Философия определялась Вольфом как наука о всем возможном, показывающая основания всего того, что может быть (*Wolff, 1732*). Видно, что это определение следует из фундаментального закона достаточного основания Лейбница. Согласно этому закону все, что есть или может быть, имеет достаточное основание, почему оно есть или может быть именно так, а не иначе. Важнейшей частью философии являлась метафизика, включающая в себя предваряющую другие науки онтологию, науку об общих свойствах всякого сущего, рассматривающую самые общие начала человеческого познания. Составными частями метафизики были также космология, психология и теология, соответственно трем основным предметам философского познания. Изучение человека относилось к области психологии и физиологии. Термин "антропология" сам Вольф не использует, а только замечает, что некоторые так называют науку о физической природе человека (*Wolff, 1732*). Психология в вольфианской философии делилась на эмпирическую и рациональную. Первая давала знания о человеческой душе исходя из опыта, вторая – на основе разума, опираясь на принципы онтологии (в вольфианском понимании этой науки), космологии и эмпирической психологии. Таким образом, среди двух разновидностей психологии базовую роль играла эмпирическая. Она давала начала для рациональной, доказывала объективное существование такой реальности, как "душа" (*Wolff, 1738*), раскрывала основные способности (*facultates*) души, формулировала определения основных понятий психологии, на что потом опиралась рациональная психология в своих дедуктивных выводах о качествах души как простой субстанции (*Wolff, 1734*). Доказательство реальности души строится Вольфом в духе картезианской философии, исходя из факта, что мы сознаем себя и окружающее. Кто сознает – существует; то, что в нас сознает себя и вещи, называется душой. Эмпирическую психологию Вольф относит к философским наукам, поскольку она дает начала для других философских наук. Примечательно, что в системе Вольфа эмпирическая психология играла базовую роль не только для рациональной психологии, но и для логики, философии морали, практической философии, излагающей общие законы для всех человеческих действий, и других наук. Во всех науках такого рода речь идет о правильном использовании познавательной и желательной способности человека, а базовые знания о способностях души давала именно эмпирическая психология.

Не случайно к началу XIX века в немецких университетах эмпирическая психология играла роль общей пропедевтики к другим наукам. Кроме того, она, с одной стороны, апеллировала к привычным реалиям душевного мира начинающих студентов, с другой, будучи философской наукой с соответствующими определениями, обоснованиями и систематизацией, – давала представление о принципах и систематизации научного знания в целом и таким образом также служила введением в область науки как таковой (Eckardt et al., 2001).

Подобный подход в изложении философии с соответствующей систематизацией был характерен и для российского духовно-академического образования первой половины XIX века. В сохранившихся лекционных конспектах и работах студентов Московской духовной академии начала XIX века во введении в философию, сразу после различения эмпирического и рационального познания и общего определения философии, помещались "пролегомены или идея эмпирической психологии". Подчеркивалось, что во многих науках и занятиях необходимо иметь знания о природе человеческой души, особенно в тех науках, которые имеют целью утверждение или познание законов для человеческого ума, духа, воли (логика, этика, политика, педагогика, эстетика...) (Платонов, 1820).

В круг рассмотрения эмпирической психологии входили вопросы, относимые к философской и социальной (культурной) антропологии. В конспектах отмечается, что объектом эмпирической психологии является "человеческая душа, что касается всех ее способностей, действий, условий и положения во всех различных и многообразных видоизменениях, в зависимости от природной конституции тела, способностей ума, возраста, пола, климата, государственного строя, религии, различных условий (жизни) и иных (причин)" (Лекции, 1820). Источником знаний для эмпирической психологии служат, прежде всего, "тщательные наблюдения за самим собой и другими людьми", а также рассказы других, испытанная ученость и достоверные слова исследователей человеческой природы, сочинения, описывающие человека в различных ситуациях, такие как: произведения известных поэтов, описания путешественников, очерки характеров, биографии и т.д. (Платонов, 1820).

К середине XIX века появились учебные пособия по опытной психологии, написанные представителями духовно-академической философии А. Фишером – "Введение в опытную психологию" (1839), О. Новицким – "Руководство к опытной психологии" (1840). У обоих авторов уже можно встретить понятие "антропология" как науки о человеческой природе. Антропология включает в себя физиологию и опытную психологию. Похожее определение антропологии в то время давалось и в немецком философском словаре Круга: "Антропология – наука о человеке как предмете опыта, поэтому она также называется эмпирическим человековедением (Menschenkunde)" (Krug, 1832).

2. Концепция опытного познания человека А. Фишера и ее оценка в духовно-академической среде

Главная цель психологических исследований, по А. Фишеру, – "исследование нормальной жизни духа во всех ее разных направлениях и действиях". Фишер отмечает, что только "успешное изучение правильной жизни человека" поможет понять причины и характер отступлений от того, что должно быть нормой для человека (Фишер, 1839). Отсюда вытекает необходимость знания психологии для каждого образованного человека. По словам Фишера, "учитель Религии и практической нравственности, равно как и Оратор, только в этой науке почерпают тайну действовать согласно с целью на ум и сердце людей". "Поэт, Актер, Живописец и вообще всякий Художник только посредством знания психологических законов, удерживаются от уклонений в неестественное, химерическое и странное". "Психиатрия, ... по своей природе большей частью основывается на опытных началах нашей Науки". "Кроме собственных искажений, или недугов духовной жизни, Врач нередко видит себя вынужденным, по причине тесной связи души с телом, искать корня телесных болезней в жизни духовной и врачевать их психическими средствами" (Фишер, 1839). Вместе с тем, Фишер особенно подчеркивает требование исключительно опытного характера психологии, призывает не смешивать ее с психологией рациональной и тем более не ставить в зависимость от различных философских систем. В этом, судя по всему, он видел залог научной объективности психологии и, соответственно, антропологии, как науки о человеческой природе. Фактически Фишер стал продолжателем ряда немецких мыслителей, которые еще во второй половине XVIII века выступали за исключительно эмпирический характер науки о человеке. Среди сторонников такого подхода были Иоганн Тетенс, в своих "Философских исследованиях о человеческой природе и ее развитии" (1777) утверждавший, что психология призвана давать не гипотезы, а наблюдения, совершенно устранившись от вопроса о том, что такое душа; Карл Шмид, автор книги "Эмпирическая психология" (1791), и другие. Но можно ли при таком подходе получить представление о психологических законах, обеспечивающих "нормальную жизнь духа" и "правильную жизнь человека"? Как верно замечают немецкие исследователи истории эмпирической психологии, стремление к "чистому эмпиризму" без какой-либо "метафизики", грозило вообще оставить психологию без предмета изучения (Eckardt et al., 2001). Непонятно, что изучает психология, если вообще неизвестно, есть ли душа.

Подобно Тетенсу, и Фишер подчеркивает нейтральную позицию психологии по отношению к вопросу: существует ли в человеке душа как начало отличное от тела, или нет. Но если считать "душу" условным термином описания человека, то как тогда можно выявить реальную человеческую природу и указать человеку норму его жизни? Каким образом наблюдения за собой и другими людьми, изучение материалов, относящихся к области современной социальной или культурной антропологии, могут привести человека к познанию этой нормы? Исследователь, очевидно, нуждается в определенной концепции, дающей критерии для выявления "нормы" человека, и эмпирическое исследование по самому своему характеру явно или неявно должно опираться на такую заранее существующую концепцию.

Противоречивость заявленной позиции опытной психологии, разрыв между поставленной задачей и эмпирическим статусом психологии как науки о человеке не остались незамеченными в духовно-академической философии. Это видно из рецензии на книгу А. Фишера, представленной в виде доклада на одной из конференций МДА (*Доклад...*, 1839). В докладе указаны недостатки концепции опытной психологии Фишера. Во-первых, познание человека чисто эмпирическим путем заведомо неполно, так как, по признанию самого же Фишера, опытные науки не рассматривают происхождение и назначение человека. В то же время, очевидно: от того, как человек будет понимать свое происхождение и назначение, будет зависеть и его представление о том, какие стремления и действия человека следует считать "нормальными", а какие нет. Во-вторых, автор рецензии считает невозможным объективное познание человека без учета нравственной составляющей его существа. Фишер пишет: "разгадать и постигнуть человека, венец земного творения, есть и будет важнейшей задачей для опытных Наук даже и тогда, когда мы устраняем нравственные и всякие другие цели, достижение которых зависит от взгляда на сущность человеческой жизни" (*Фишер*, 1839). На это автор доклада замечает: "Разгадывать и постигать человека без предположения нравственной цели и независимо от взгляда на человеческую жизнь, кажется, значит почти то же, что разгадывать и постигать человека, не разгадывая и не постигая его" (*Доклад...*, 1839). Автор рецензии полагает, что невозможно адекватно познать человека без одновременного понимания того, каким должен и призван быть человек.

Может ли опытная психология дать образец человека как норму, по каким критериям она отберет этот образец? Фишер замечает, что психолог, подобно естествоиспытателю, отбирающему совершеннейшие и благороднейшие образцы, должен искать "совершеннейший образец человечества" в развитых и облагороженных воспитанием людях, в людях с "печатью высшего предназначения", "возвышающихся над толпою" гениях искусства, "великих характерах". Именно их изучение, по Фишеру, поможет "глубже проникнуть в таинственную сущность человеческой природы". Комментируя эти слова, автор доклада напоминает, что цель психологии у Фишера – исследовать нормальную жизнь духа. Могут ли быть образцами совершенства человека гении, которые бывают и рабами различных страстей, или "великие характеры, которые могут быть великанами и по худым делам"?

Автор рецензии также считает неприемлемой нейтральную позицию психологии по онтологическим вопросам, так как сами психологические объяснения душевных явлений будут различными в зависимости от того, считаем ли мы их действиями бессмертной души или телесного организма. В последнем случае, по мнению рецензента, не найдут верного понимания такие явления, как неудовлетворенность земным человеком и т.п. Надо сказать, что и сам Фишер вслед за декларацией о нейтральности указывает во Введении на неудовлетворительность материалистической гипотезы из-за ее неспособности объяснить подобные явления. Но позиция Фишера действительно оказывается непоследовательной: он желает не выходить за рамки гипотез и условных наименований и вместе с тем достичь познания реальной человеческой природы.

3. Проблемы эмпирического познания человека

Пример разбора книги Фишера, на наш взгляд, позволяет увидеть проблемы, вытекающие из всякой установки на чисто эмпирическое познание человека. Во-первых, декларируя независимость от какого-либо философского учения, а фактически, от какой-либо онтологии, эмпирическое исследование неявно, уже через выбор определенного понятийного аппарата, критериев оценки, терминологии описания, связывает себя с определенной философской, в том числе и онтологической позицией. Это заметно у самого Фишера, когда он, например, говорит о необходимости для педагога быть психологом. Фишер полагает, что психология должна дать план воспитания, соответствующий природе человека. Этот план должен содействовать развитию всех сил и способностей человека и вместе с тем помочь в обуздании чувственности, в предохранении духа от заблуждений, в просвещении как ума, так и сердца. Очевидно, здесь в конкретных задачах угадывается христианский подход к воспитанию, отличный от установки на воспитание в ребенке качеств, оптимальных для занятия престижного места в социуме, или от установки на творческую самоактуализацию. Таким образом, реально эмпирическая психология у Фишера

опирается на определенный мировоззренческий базис, что отражается и на ее понятийном аппарате (в понятиях "духа", "сердца" и т.п.). Очевидно, подобный базис имеет любая эмпирическая психология.

Вторая проблема: для эмпирической установки остается открытым вопрос, применимы ли эмпирические методы познания объектов внешнего мира к познанию человека. Фишер полагал, что психология как опытная наука "должна пользоваться теми же средствами, должна быть построена по тем же самым правилам и по той же методе, как и все науки сего рода" (Фишер, 1839). Но он же далее отмечает, что деятельность духа одновременно и объект, и субъект наблюдения, что наше самолюбие мешает нам объективно рассматривать свой внутренний мир, ослепляет нас. Фишер затрагивает и проблему понимания: "Как в Природе внешней свойства вещей, белизна, благоволия, сладость и проч., могут быть поняты только непосредственным восприятием чувств, и для человека, не имеющего случая знакомиться с ними, или для того, кто лишен необходимого к тому органа, напрасно всякое описание: так точно соответствующие сим материальным свойствам качества духа, т.е. состояния и действия оно, познаются только непосредственным опытом, и столь же мало могут быть представлены помощью одних отвлеченных понятий. В самом деле, какие представления могли бы возбудить в нас слова: сознание, чувствование, Вера, сомнение, любовь, благоговение, воодушевление и т.д., если бы мы не понимали их знания из нашей собственной внутренней жизни, или по крайней мере не находились когда-либо в состоянии совершенно тому подобном?" (Фишер, 1839). Это рассуждение Фишера, на наш взгляд, хорошо показывает, каким образом наблюдения предметов физического мира отличаются от наблюдений за собой и себе подобными. Опытное изучение человека требует самопознания, требует развитого внутреннего мира у самого исследователя, чтобы адекватно понять мир другого человека. И еще примечательно, Фишер среди прочего называет: любовь, а также веру и благоговение. Если человек опытно не переживал этого, как он будет понимать это? Он даст этому объяснение исходя из своего мировоззрения и, таким образом, эмпирическое исследование человека будет принципиально зависеть от мировоззрения самого исследователя, что, наверное, не является столь определяющим в эмпирическом познании физического мира.

Поэтому можно признать непоследовательность Фишера в том, что он уравнивал опытную психологию с другими эмпирическими науками. Опытное познание человека отличается от эмпирического познания окружающего мира тем, что при самонаблюдении "объект" начинает активно влиять на познающего субъекта. На интерпретацию наблюдаемого в себе и в других определяющим образом будет влиять мировоззрение наблюдателя, его моральные и ценностные установки. Кроме того, есть еще один момент, признание которого существенно выделяет опытную психологию среди эмпирических наук. Наряду с естественным внешним и внутренним опытом самонаблюдения Фишер также упоминает особый сверхчувственный "высший" опыт, в то время как сторонники исключительно эмпирического подхода к действительности, в духе позитивизма того времени, признавали только один чувственный опыт наблюдения, как залог научной объективности знания, независимого от метафизических предпосылок.

Таким образом, можно сделать вывод, что сама опытная психология нуждалась в определенной, можно сказать, философской концепции человека, и реально всегда исходила из таковой.

4. Заключение

От вольфианской традиции духовно-академическая философия унаследовала идею эмпирической психологии как философской дисциплины, посвященной рассмотрению человеческой природы и выполняющей роль пропедевтики к другим философским наукам, в том числе, и к рациональному познанию человека. Но уже к концу XVIII века в немецкой философии формируется направление, полагавшее что познание человека может быть только эмпирическим и должно быть свободно от каких-либо метафизических предпосылок. Этой же позитивистской установке в своей концепции опытной психологии стал придерживаться и А. Фишер. Но в отличие от позитивистов, цель этой науки Фишер видел в познании сущности и нормы человеческой природы. Анализ позиции Фишера, критически оцененной в рецензии на его программу за ее непоследовательность, позволяет выявить проблемы, возникшие у Фишера при установке на чисто эмпирическое познание человека. Выбор "языка описания" уже ставит такое познание в зависимость от определенной философской или религиозной концепции человека. Понимание опыта других людей будет зависеть от "широты" и "глубины" опыта самого исследователя, его моральных и ценностных установок. Таким образом, опытное познание человека в лице других людей требует самопознания и определенного, можно сказать "априорного" теоретического "образа" человека. Как отмечает один из исследователей в области современной философской антропологии В. Шюсслер: "Эмпирические частные науки уже должны иметь предварительное понимание того, что такое человек, чтобы относить... данные своих исследований к человеку, чтобы их знания были антропологически релевантными" (Schüssler, 2000).

Литература

- Eckardt G., Matthias J. van Zantwijk T., Ziche P.** Anthropologie und empirische Psychologie um 1800. *Köln, Böhlau*, S.12-14, 2, 2001.
- Krug D.W.** (Hrsg.) Allgemeines Wörterbuch der philosophischen Wissenschaften nebst ihrer Literatur und Geschichte. *Leipzig, Brockhaus*, Bd. 1, S.166, 1832.
- Schüssler W.** (Hrsg.) Philosophische Anthropologie. *Freiburg*, S.12, 2000.
- Wolff Chr.** Discursus praeliminaris de Philosophia in genere. Philosophia rationalis sive Logica... *Francofurti&Lipsiae*, S.13, 37, 1732.
- Wolff Chr.** Psychologia Empirica, methodo scientifica pertractata... *Francofurti&Lipsiae*, S.9-15, 1738.
- Wolff Chr.** Psychologia Rationalis, methodo scientifica pertractata... *Francofurti&Lipsiae*, S.2, 1734.
- Доклад на конференции МДА. Дело № 9, 1839 г. Архив МДА. ОР РГБ 172/9 № 4, с.11.
- Лекции по курсу философии (1820-е годы). Архив МДА. ОР РГБ 172/463 № 21 (Introductio in Philosophiam Universam), с.11.
- Платонов Ф.** Введение в философию (Introductio in Philosophiam Universam) 1820 г. Архив МДА. ОР РГБ 172/337, № 13, с.16, 15.
- Фишер А.** Введение в опытную психологию. *СПб.*, с.21, 50, 4, 7, 17-18, 1839.
- Шохин В.К.** Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, как реформатор преподавания философии: некоторые размышления. *Вопросы философии*, № 9, с.93-101, 2000.